

Кино должно исцелять души. Встреча с Эмиром Кустурицей

[Константин Мацан](#)

...Появившись в вестибюле дорогой московской гостиницы по соседству с Большим театром, он сразу же не вписался в пафосную обстановку: усталый небритый человек с гривой нечесаных волос, в выцветшей толстовке, мятых штанах, грязных кроссовках... Вышел из лифта, зевнул, хмуро поздоровался, сказал, что только что проснулся (хотя был уже полдень).

Я извинился, что разбудил его, но напомнил, что о встрече мы договаривались накануне. Он удрученно кивнул, повел меня в кафе, заказал себе чашку капучино, потер глаза и только после этого сказал, что интервью можно начинать. Мой собеседник - сербский кинорежиссер Эмир Кустурица.

К Кустурице вопросов было много. Мало того, что дважды лауреат Гран-при Каннского кинофестиваля (чем мало кто может похвастаться), в каждом своем фильме словно смеется над изумленными зрителями, так он еще и прыгает по сцене с гитарой - на концертах своей рок-группы "No Smoking Orchestra". В общем, Кустурица любит отвечать пощечины общественному вкусу. И вдруг оказывается, что он принял Православие! Что его на это подвигло? И к чему привело?

Кино как инструмент

- **Два года назад вы крестились. Изменило ли в это что-то в вашем творчестве?**

- Безусловно. Христианин должен смотреть на мир философски и пытаться сделать его... более гармоничным. Без этого - никуда. Потому что христианин - это человек, чья добрая воля проявляется в каждом поступке. Он старается сделать гармоничным все, с чем соприкасается. Это особенно важно, если он владеет таким колоссальным по силе воздействия инструментом, как искусство. И уж тем более, если это искусство - кино. Я должен делать христианское кино - в этом моя миссия.

- **А в чем задача христианского кино?**

- Христианское кино должно исцелять души людей. В нем должно быть особое отношение к каждому зрителю. Не как к потребителю. Нужно, чтобы, посмотрев твой фильм, люди начинали обнимать друг друга, испытывали счастье, сердечную радость. Радость от полноты бытия. Не в этом ли эстетический смысл человеческой жизни? Надо помочь человеку освободиться от страхов, чтобы он, пройдя через катарсис, мог сказать: "Жизнь, полная трудностей, стала легче". Если ты христианин, и цель твоего творчества - сделать человека счастливым, твой фильм, как инструмент, поможет выполнить задачу твоей жизни.

- **Но можем ли мы делить кино на христианское и нехристианское? Правомерно ли это?**

- Наверное, время от времени в картине может "прочитываться" какой-то христианский сюжет. Бывает, что режиссер явно касается какой-то церковной темы или отсылает зрителя к какой-то библейской истории. Но проблема здесь в другом: большинство сегодняшних фильмов никак не касаются смысла человеческого существования. А значит, они заведомо не могут быть христианскими. Более того, можно откровенно назвать их языческими. Современное кино делится не на христианское и нехристианское, а скорее на коммерческое и некоммерческое. Современная цивилизация, то есть рынок, нуждается лишь в тех картинах, которые пойдут "на ура" у публики. При этом считается, что публика любит кино

развлекательное, которое по определению никак не затрагивает центральные моменты человеческой жизни. Однако если та или иная лента к этим темам все же обращается, она становится христианской. По одной простой причине: она дает людям повод задуматься над вопросами "Кто есть человек?" и "Зачем я живу?". А эти вопросы - сущностно христианские.

- Ваш недавний фильм "Жизнь как чудо" выполняет эту задачу?

- Надеюсь, что да. В этом фильме я старался показать настоящую "шекспировскую" драму человека, чья родная страна охвачена войной, и он, христианин, вынужден выбирать между любовью к женщине другой религии (мусульманке) и любовью к своему сыну. Картина "Жизнь как чудо" стала отчасти моей реакцией на то, что православных сербов обвиняют в разжигании той войны. Кстати, история, рассказанная в фильме, взята из жизни. А христианская задача этой картины - поговорить о любви и показать, как она помогает сосуществованию представителей разных религий. И так как отклики на этот фильм были достаточно теплыми, могу предположить, что в моем ближайшем окружении все же есть христиане. Жаль, что за пределами этого окружения в свои права вступает современная цивилизация - то, что я называю словом "рынок". Но я создавал этот фильм, ориентируясь не на запросы рынка, а искреннее желая показать войну через призму реальной человеческой драмы и живой человеческой любви. И это первый шаг к тому, чтобы быть "несвоевременным", выйти за рамки современности.

Современность и своевременность

- Неужели то, что искусство оказывается "несвоевременным", - это хорошо?

- Безусловно. Для меня современность - это крайне уничижительный термин.

- Почему?

- Потому что наш с вами современный мир не позволяет режиссерам утверждать христианское кино - не позволяет настаивать на жизнеспособности своего художественного метода. И в результате мы в лучшем случае видим в кино только фрагменты христианства - какие-то намеки, образы, полутона. Кстати, появляются они у режиссеров далеко не всегда осознанно.

- Почему же наша современность не дает режиссерам такой возможности?

- Потому что наша современность... глупа!

- То есть?

- Львиная доля творческих усилий сегодня направлена только на развлечение публики. Какое место искусство занимает в современном мире? И занимает ли вообще какое-нибудь? Большой вопрос! Во времена моей юности - в семидесятые годы - было совсем другое кино. Оно давало миру героев. Искренних, человеческих, глубоко вовлеченных в жизнь общества. Поэтому они были намного более христианскими, чем сегодняшние персонажи. Сегодня и героев-то нет.

- А что такое для вас герой? Кого из киноперсонажей вы бы назвали героем семидесятых?

- Ну, например, Роберт де Ниро в фильме Мартина Скорсезе "Таксист" (1976). Образ этого героя и лента в целом, без сомнения, вышли из "Преступления и наказания" Достоевского. И в фильме речь именно об этом: сначала о преступлении, потом о наказании. О метаниях человека. Вообще кино семидесятых годов в каком-то смысле парафраз этого романа Достоевского. И неудивительно - роман поражает и содержанием, и идеей: целая книга посвящена переживаниям молодого студента, одержимого мыслью об убийстве одной-единственной старушки-процентщицы. А мы сегодня по телевизору каждый день видим

гибель, как минимум, человек пятидесяти, и вполне можем увидеть все эти пятьдесят смертей рядом с собой на улице. Я даже сформулировал для себя такую теорию, что после того, как смерть стала темой спекуляций в СМИ, она утратила свое значение. Такова современность. Она моделирует наше сознание посредством телевидения, и заданные им скорость и ритм существования определяют наши ощущения. Бетон под ногами стал чем-то столь же естественным, как трава. Как будто бетон сам растет. Иными словами, современный мир навязывает себя искусству и жизни. Вот и получается, что христианские вопросы в сегодняшнем кинематографе зачастую даже не поднимаются.

Под "зонтом" религии

- А вправе ли кинематограф, по-вашему, напрямую обращаться к теме Церкви, к теме Христа?

- Тайна, которую заключает в себе земная жизнь Христа, всегда сильно привлекает внимание зрителей. Помните снятый около двух лет назад в Голливуде фильм "Страсти Христовы"? Добротная картина. И хотя, на мой взгляд, ничего выдающегося она собой не представляет, она была чрезвычайно популярна. Это лишний раз доказывает, что центральные вопросы христианства публику действительно интересуют. Тот, кто идет смотреть такое кино, действительно над ним задумывается - иначе он просто не пришел бы в кинотеатр.

Необходимо понимать: когда мы говорим о Церкви, мы ведем речь об основополагающих моментах человеческого бытия. А ведь эти моменты - непростые. Это элементы жизнеобразующие - вопрос вечной Жертвы Христа, следования за Христом и самопожертвования ради уподобления Христу. Такие проблемы находят отклик в душе каждого человека. А значит, кино должно обращаться к этим темам.

И вообще, связь религии и кинематографа, как мне кажется, определена самой природой последнего. Кино - вид искусства, а искусство и религиозный способ познания мира очень близки. Поэтому, когда снимаешь кино, пытаешься строить его на серьезной основе, ты так или иначе касаешься вопросов жизни и смерти, то есть религиозных вопросов.

- Что значит "на серьезной основе"? Что это за основа?

- Эта сознание того, что каждый момент времени в истории человечества - новая ступень непрерывного развития. И это развитие проходит - и это очень важно! - под "зонтом" религии. А религиозному культу присущи все художественные - визуальные, звуковые - средства, которыми сегодня пользуется кино. Потому что искусство рождалось в тесной связи с культом, искусство и религия переплетены. И, мне кажется, в этом плане в нашем сознании ничего не изменилось со времен античного культа Диониса.

- Кого вы можете назвать "христианскими режиссерами"?

- Тех, кто хочет делать кино о человеческой сущности, кто осознает себя частью христианской цивилизации, и это определяет их творческий интерес. Возьмите Андрея Тарковского или, скажем, немца Вима Вендерса, который сделал ангелов главными героями своего фильма "Небо над Берлином". Эти художники - глубоко христианские режиссеры.

- Что для вас дороже всего в творчестве Тарковского?

- Кульминация творчества Андрея Тарковского, его высшее достижение - для меня, без сомнения, "Андрей Рублев". Этот фильм конечно же один из самых важных артефактов во всей мировой культуре XX века. Потому что все основные вопросы человеческого существования, такие, как, например, соотношение идеала и реального мира, прочно вплетены в сюжет и в саму ткань повествования. Вспомним последнюю сцену: в реальном мире мальчик сокрушается, что отец не оставил ему секрета особой меди, чтобы отлить колокол. Хотя до этого он всем рассказывал, что этот секрет ему известен. Он лгал? Можно

сказать и так. Он пребывал в своем идеальном мире? Возможно. Но в итоге он все же создал колокол, и колокол этот был великолепен.

А мальчик рыдает... Отчего? Оттого, что видел: человеческая жизнь не просто сложна и тяжела, как подлинное испытание, настоящий вызов заключается в том, что надо попытаться что-то в этой жизни сотворить. И даже если ты при этом ошибаешься, ты можешь стать великим, то есть можешь достичь своего собственного потолка. Все это очень важно. Поэтому "Андрей Рублев" - самое значительное произведение киноискусства из всех мне известных. Есть много прекрасных режиссеров, мастерство которых, может быть, больше, чем у Тарковского: например, Стэнли Кубрик или Федерико Феллини. Но ни в одном другом кино мы не найдем ничего более фундаментального и... человеческого. Тарковский был настоящим поэтом.

- Иными словами, "Андрей Рублев" для вас - образец идеального христианского кино?

- Думаю, да. В нем не говорится напрямую о христианстве. Но есть тема искусства, судьба художника, биография иконописца. И здесь мы снова возвращаемся к тому, что вопросы европейского искусства тесно связаны с вопросами христианства.

О "Коде да Винчи" - непечатное

- Есть пример актера Тома Хэнкса, православного, который снялся в печально знаменитом фильме "Код да Винчи". Как бы вы могли это прокомментировать?

- Просто у человека есть четкая система приоритетов: да, он христианин, но есть рынок. И приходится выбирать деньги...

- Приходится?!

- Когда актеру предлагают двадцать или тридцать миллионов долларов (честно говоря, не знаю, какие сейчас расценки в Голливуде) - это огромное искушение. И не каждый человек с таким искушением может бороться.

- А что вы как христианин думаете о "Коде да Винчи" в целом?

- О "Коде да Винчи"... Я видел отрывки. И как христианин думаю, что это... (*усмехается и произносит совершенно непечатное ругательство*). Простите. Не стоит использовать такие слова... Абсолютно отвратительный фильм. У меня вызывает отвращение уже сам подход - предельно формальный. Не читал книги, но, насколько знаю содержание фильма, это то, чему сегодня посвящены практически все большие медиа-проекты: "развенчание христианских иллюзий". Очень хорошо помню, как в 2000 году на обложку американского журнала "Time" был вынесен анонс статьи о том, что Иисус Христос - сын римского солдата и родился соответственно в результате полового акта. Комментарии излишни. Подобные рассуждения - свидетельство того, что общество теряет христианские ценности. Не устаю повторять, что для нашей веры есть одна очень опасная вещь - рынок: власть денег и ничем не ограниченные возможности этой властью злоупотреблять.

- Что же плохого в деньгах? Пускай люди богатеют...

- Плохо, что богачи творят идеологию. И христианство, по их мнению, чаще всего оказывается слишком архаичным и "нежизнеспособным".

Современник Достоевского и Чехова

- А что вы думаете о русской культуре и о ее месте в мировой культуре?

- Когда Гитлер убивал миллионы русских, вы не просто защищали вашу землю. Время доказало: вы защищали - и защитили! - свое богатство, русскую культуру! И это очень важно. Однако сегодня ситуация в культуре совсем другая, нежели та, которую некогда

описывал тот же Достоевский. Он удивительно глубоко проанализировал жизнь своих современников. Но если бы у великого писателя была возможность настолько же глубоко проанализировать систему ценностей человека XXI века, Федор Михайлович вряд ли сказал бы, что людей сегодня интересуют вопросы морали. И это очень-очень большая беда для мира, в котором мы живем. Я уж не говорю об искусстве, потому что искусство - всегда больше реального мира.

И применительно к той современности, которая нас окружает, ваш вопрос о русской культуре - важный, но не главный. Есть намного более серьезная проблема: вызов, который нам бросает сегодняшний день, оказывается таким дерзким, что сознание своей культурной идентичности лишь иногда мелькает в голове. А по большей части наш мозг заполнен мыслями о комфортной жизни - мыслями совсем не христианскими. И смотреть в лицо этой реальности, которую создает наша культура, и существовать в таком культурном контексте - тяжелое испытание.

- В вашем фильме "Жизнь как чудо" главная героиня не раз упоминает Анну Каренину. Следует ли из этого, что именно русская культура вызывает у вас особый интерес?

- Разумеется. Когда я был студентом (а пожалуй, даже раньше), я начал задаваться вопросами о смысле и цели человеческой жизни и открывать мир через литературу. Именно через русскую. Я, конечно, читал и Джона Апдайка, но все же основной поиск смыслов шел в другом направлении: от Достоевского к Лермонтову, от Лермонтова к Платонову и так далее... Здесь произошла очень важная встреча с Чеховым - первым драматургом, попытавшимся осмыслить опыт земной жизни человека. Этот писатель находится как бы вне времени: он не принадлежит только своей эпохе, он словно стоит вне ее и смотрит в будущее. Если мы посмотрим, насколько точно и в то же время иронично пьесы Чехова отражают сегодняшнюю жизнь, то увидим, что самого понятия "современность" не существует. Почему? Потому что время Чехова - это и сейчас, и сто лет назад. Его творчество в принципе выходит за рамки какой-либо современности. Это искусство, которое привносит в человеческие отношения метафизику. И когда я рос и пытался осознать свое место в мире, такая метафизика была мне очень нужна. И особенно глубоко она была мной прочувствована через русскую культуру.

Пространство без Бога?

- Как вы пришли к вере?

- Наверное, в жизни каждого человека наступает момент, когда начинаешь размышлять над фундаментальными вопросами человеческого существования - вопросами жизни и смерти. У меня этот момент настал в пятьдесят лет. В Боснии, мусульманской стране, в которой я родился, началась война. Умиряли люди. Они воевали за свои убеждения с людьми других убеждений. И на каком бы языке ты ни писал, что бы за свою жизнь ни сделал как художник и как человек, они могли взять твое тело, словно какую-нибудь вещь, и распорядиться им как угодно.

Когда мне стало важно определиться со своими убеждениями, я начал изучать традиции своей семьи и обнаружил, что мои предки были... православными сербами! И только часть их - причем небольшая - перешла в ислам. Я тогда подумал, что начинается вторая половина моей жизни, и крайне важно осмыслить все прошлое и задуматься над будущим.

С того момента, как я стал студентом, я успел изучить и Ветхий, и Новый Завет. И фильмы мои - произведения, рожденные именно в европейской христианской цивилизации и ни в какой другой. И я принял решение: нужно стать тем, кем я на самом деле был все это время. То есть обратиться к традиции, которой сущностно принадлежат моя жизнь, моя семья и мои фильмы. И это традиция сербского Православия.

Это было мое решение, основанное на собственном опыте и на приобретенном за всю жизнь знании о Православии как изначальном истинно христианском видении мира. Это было

решение, основанное на традиции моей семьи, на традиции, которая была прервана поворотами истории моей страны.

- Как вы считаете, приход к вере во взрослом возрасте более ценен, чем воспитание в вере с детства?

- И да, и нет. Здесь все зависит от того, чем именно вызвано решение креститься. Давайте посмотрим вокруг: в сегодняшнем мире - именно в сегодняшнем! - людьми управляет множество языческих сил. И в таком мире очень важно, чтобы человек осмысленно принял решение, сказал себе: "Я верую во Христа. Я крещусь, я стану христианином, потому что это мое решение, а не потому, что меня крестили в детстве". Представьте себе, что все люди на Земле, которым сейчас по тридцать, сорок и пятьдесят лет, находясь в здравом уме и твердой памяти, вместо того чтобы есть гамбургеры и накладывать на лицо косметику, скажут себе: "Я христианин. Я хочу креститься". Это было бы фантастикой. Мы бы жили, словно на небесах.

- Нужно ли в таком случае нам, православным, крестить младенцев? Может, стоит дождаться их совершеннолетия?

- Конечно нужно крестить! Мы должны это делать. Боюсь, есть множество людей, которые никогда не крестятся сами и никогда не крестят своих детей. И их будет становиться все больше и больше. Я помню время, когда сам еще не задумывался о Боге. Знания и суждения я черпал тогда в основном из интеллектуальных диспутов. Но для меня уже тогда было абсолютно очевидно: те, кто говорит, что Бога нет, намного глупее тех, кто говорит, что Он есть. Вера же в то, что в таком огромном пространстве нет Бога (хотя бы в качестве элемента сознания, некой установки), со временем стала для меня просто неприемлемой. Потому что пространство это само по себе - мощный вызов, обращенный к жизни, которой я живу, и к искусству, которым занимаюсь. И пространство это надо постигать. Но мы не в состоянии дать определение пространства без поправки на Бога. Бесконечное ли, конечное ли - оно нуждается в Боге. Иначе этого пространства просто нет.

- И какой была реакция ваших коллег по цеху на то, что вы приняли Православие?

- Мне нет никакого дела до моих коллег...

- А друзья?

- Реакция друзей была весьма одобрительной, потому что мои нынешние друзья по большей части христиане. Хотя в Сараево это стало большим сюрпризом для тех людей, с которыми мы общались еще до моего студенчества, до того, как я уехал учиться режиссуре в Прагу. Они меня ненавидят, как ненавидят всех православных сербов. Поэтому там и началась война. Да простит им Господь (*долгая пауза, рука с чашкой кофе дрогнула*)...

- А можно ли, по вашему мнению, предать нацию, став православным?

- Никогда. Быть христианином - это иное, это намного более серьезная обязанность, чем быть представителем какой-то нации. Проблема в другом: мы сидим с вами на десятом этаже гостиницы в центре Москвы и разговариваем о жизни, о вечных ценностях. Такая беседа может быть вполне христианской. Если спуститься в бар - там происходит другая жизнь и ведутся другие разговоры.

А можно поехать в современную Сербию и увидеть, что она разделена ровно пополам: территория Косово - сердце сербского Православия - потеряна, а оставшаяся территория захвачена "современностью", то есть рынком. Система современных западных ценностей пронизывает страну, из-за чего утрачена связь с христианством. И это делает крайне важным следующий вопрос: что для нас с вами значит христианство? Празднование именин с закалыванием поросенка? Или это система ценностей, которым необходимо следовать всю жизнь? Сегодня в Сербии многие люди просто сбились с пути. И думаю, в России тоже.

Посмотрите вокруг - вся это блестящая внешняя жизнь... Я езжу по Москве и всюду вижу культ "золотого тельца". Но у вас, русских, есть очень хорошая платформа для возрождения Православия. У вас есть Бердяев, у вас есть много других людей, которые мыслили очень глубоко и серьезно. Думаю, ваше культурное наследие поможет вам выжить.

- Вы и Бердяева читали? И что наиболее ценное для себя вы у него нашли?

- Идею свободы. Космической свободы - не в каких-то внешних проявлениях, а внутри человека.

По окончании интервью договорились о фотосъемке - Кустурица попросил, чтобы снимать его начали через полчаса. В назначенный срок мы с фотографом пришли в кафе, но Кустурицы там не оказалось... Нас успокоили: сказали, что он просто поднялся в свой номер и сейчас вернется. "Слава Богу, - подумал я, - наверное, пошел причесаться, переодеться, в общем, привести себя в порядок". Сели ждать, фотограф принялся искать подходящий фон. Вскоре двери лифта открылись... И в вестибюле появился усталый небритый человек с гривой нечесаных волос, в выцветшей толстовке, мятых штанах, грязных кроссовках... Вышел из лифта - и, зевнув, хмуро спросил: "Фотограф пришел? Я готов".

Материал [Foma.ru](http://foma.ru) / [Татьянин день](#)

<http://kiev-orthodox.org:80/site/faithculture/1686/>